

## Лекция 6

Автор Анатолий Козлович

### СОВЕТСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

**Тема: Советская публицистика 70-80 гг. 20 века. А.Ваксберг, Ю.Щекочихин, А.Левиков, Е.Богат, А.Бочаров, В. Аграновский, Т.Тэсс, В.Селюнин, Н.Шмелев, И.Васильев, В.Волков, С.Залыгин, И.Винниченко.**

#### *План лекции*

1. *Взаимосвязь времени, общества, публицистики.*
2. *Морально-нравственная тематика.*
3. *Полуправда в публицистике.*
4. *Экономическая тематика.*
5. *Схематичность в публицистике.*
6. *Деревенская тематика.*
7. *Насилие над жизнью в публицистике.*
8. *Почему власть награждала публицистов.*
9. *Героико-патриотическая тематика.*
10. *Правовая тематика.*
11. *Экологическая тематика.*

#### 1.

Публицистику следует анализировать с учетом специфики общества и времени, оставивших в текстах свои генетические признаки. Оценивать профессиональные удаchi и неудачи автора-публициста без исторического контекста – значит, проявить незнание предмета и недобросовестность. Именно это показывают современные исследователи, безапелляционно отправляя «на свалку истории» огромную глыбу советской публицистики, по их мнению, лживой, неестественной, некачественной по определению. Рассмотрим «за» и «против», не предвосхищая результат исследования, каковой нам самим пока неизвестен.

В 1974 году издательство политической литературы (Москва) выпустило книгу Григория Сагала «Двадцать пять интервью». Двадцать пять корифеев советской публицистики говорят в книге о себе, о своей работе, о задачах и проблемах публицистики. Прочитываем наиболее характерные высказывания мастеров публицистического цеха СССР.

Борис Агапов: «Читателю хочется увидеть нашу страну, наш народ во всем разнообразии жизни и деятельности, воочию представить гигантские успехи в экономическом и культурном строительстве, в науке. Очеркисты и призваны ярко показать все это».

Николай Грибачев (в нем, по мнению автора книги, «читатель ощущает страстного партийного литератора, целеустремленного пропагандиста

коммунистических идеалов): «Лучше не братья за перо, когда душа холодна. Живо, эмоционально, убедительно получается тогда, когда сам болеешь душой, волнуешься, радуешься или злишься. Я, например, никогда не берусь за тему, которая не затронула моего сердца...»

Георгий Радов: «Публицист, как и очеркист, - разведчик. Но каждый разведчик идет по нехоженной тропе, а раз так, то он в своих статьях зачастую ломает некоторые явно устаревшие инструкции и представления. В этом ведь весь смысл разведки. Если редактор будет ограничивать публициста привычными рамками инструкций и представлений, то, естественно, разведки не получится».

Не стоит сомневаться в искренности выслушанных нами мастеров. Чтобы лучше их понять, необходимо помнить, что творили они по указке сердца, а сердца их принадлежали партии, как говорил Михаил Шолохов, и литературное дело, которым они занимались, было частью партийного дела, как говорил Ленин, тогда, в семидесятых, еще «вечно живой».

Не будем путать публицистику с пропагандой. Не станем рассматривать откровенно конъюнктурные тексты, которыми были забиты советские газеты и журналы. Обратим внимание на публицистику, которая пережила время и общество, породившие ее, потому что намного опережала их.

Автор лекции начинал в семидесятых как советский публицист – сначала в минском журнале «Неман», затем в «Литературной газете» (Москва). В среде публицистов и редакторов существовал пароль – **тема**. Выбор удачной, новой, необычной темы будущего публицистического произведения считался залогом будущей творческой удачи. Почему? Потому что в семидесятых годах резко расширился тематический диапазон газет и журналов, публицисты стали заглядывать туда, куда раньше, при Сталине, было запрещено, не принято.

Неординарность публициста оценивалась по его тематике, а уж затем – по качеству текста. Поэтому в основу обзора публицистики семидесятых-восьмидесятых годов мы и положим ее тематический анализ.

## 2.

**Морально-нравственная тематика** была непреходящей привязанностью советских публицистов. Моральный кодекс строителей коммунизма, вошедший в программу КПСС, повторял известные библейские требования к человеку. Все человеческое было присуще и строителям коммунизма, которые любили и ненавидели, совершали благородные поступки и воровали, самозабвенно трудились и сознательно халтурили, стремились к идеалу и завидовали, а также брали взятки, совершали убийства, строили БАМ, растили и учили детей, пьянствовали, выступали с пламенными речами на партийных и комсомольских собраниях, изменяли женам и мужьям...

КПСС неустанно билась за то, чтобы советский человек сделался гармоничным. За то же бились морализирующие публицисты. Их было очень много. Морально-нравственная тематика лежала на поверхности жизни, взять ее было легко, не опасно. Творческий успех и общественный резонанс сопутствовали тем публицистам, которые умели найти удачный сюжет и выписать его изысканно, вложив душу и сердце. Мастерами такого письма

профессионалы-коллеги и читатели признавали Евгения Богата («Литературная газета») и Татьяну Тэсс (газета «Известия»).

Издательство политической литературы в 1985 году выпустило очередную книгу Е.Богата «Ничто человеческое...» Из аннотации: «Книга писателя Евг. Богата о богатстве мыслей и чувств нашего современника. В ней большое место занимают письма читателей, в которых раскрываются возвышенное отношение к долгу, бескорыстие, гражданственность советского человека. Автор пишет о становлении личности, воюет с мещанством, бездуховностью, жестокостью».

Книга написана на документальном материале, представляет собой эссе, структурированное по главам-темам. В книге много мудрых мыслей, точных наблюдений действительности. Например: «Мода на собак пошла от желания обрести живую подлинность в мире мертвых вещей, а окончилась тем, что и живое существо стало, по сути, вещью. Но вещь эта – в отличие от автомобилей и холодильников – может страдать и страдает». Верно. И актуально поныне. Побуждает задуматься. Вызывает к автору симпатию, желание откликнуться. И многие откликнулись.

Читательская почта Е.Богата в «Литературную газету», где он работал, была самой обширной (автор этих строк – свидетель). Читатели, затронутые за живое откровением и нестандартным мышлением писателя, как бы не замечали в очерках Богата морализаторства, демагогии, типа: «Жизнь сегодняшнего советского общества отмечена тенденцией к синтезу всех гуманистических ценностей, нажитых человечеством за его тысячелетнюю историю... Наше нравственное самосознание поднимает сегодня на огромную высоту гражданственность, совесть, сострадание, доброту, коллективизм, сочувствие, творчески развивая эти живые этические ценности».

### 3.

Верил ли публицист в высокие слова, написанные им самим? Неужели он не знал о громадной дистанции между пропагандистским словом компартии и ее реальным делом? Высокопарность звучала и с высоких властных трибун, вызывая в народе иронию, тоску, равнодушие, злость. Публицист не чувствовал своего народа, коли в своем тексте копировал партийные слоганы? Следовательно, слеп он был? Либо нечестен, конъюнктурен? А может, в политиздате его заставили вписать в эссе пропагандистское клише, как в свое время заставляли и автора этих строк (смотрите **приложение** к лекции)? И публицист Богат, понимая свою беспомощность, пошел на уступки, изменив самому себе и реальной жизни, до краев переполненной иронией, тоской, равнодушием, злостью, что в конце концов привело к фиаско демагогической и морализирующей системы СССР, в которую была органично и прочно встроена советская публицистика?

На поставленные вопросы сегодня отвечать проще, чем тогда. Да и ответ сегодня не важен. Важнее было бы знать, ставили ли подобные вопросы публицисты в то время перед собой. Послушайте, начинающие коллеги, размышления публициста Татьяны Тэсс из 1974 года и попробуйте сами найти в ее словах ответы на интересующие вас вопросы:

«Газета – одно из самых могучих средств нравственного воспитания. Разве очерк на темы морали – наиболее близкий мне жанр – не воздействует на воспитание человека? Он утверждает нравственные нормы социалистического общества. Свою работу в газете я представляю себе как утверждение в человеке самых высоких идеалов. Решать эту задачу можно на разном материале. Это порою рассказ о крутом переломе в судьбе человека, о внутреннем душевном конфликте, иногда это сложная драматическая история. Когда приходится писать о человеке, совершившем подлость, иной раз жалеешь его жену..., которая перенесла из-за него массу огорчений, но терпит. Терпит потому, что он ее муж, отец их детей, быть может, дед их внуков. Сейчас она стоит перед тобой, и у нее глаза полны слез. Но я ей говорю: все это очень горько, вы глубоко мне симпатичны, но, как это ни тяжело, я напишу то, что думаю. Говорю это человеку в глаза, чтобы у него не оставалось и тени сомнения: будет написана только правда, какая она есть, и ничто другое».

«Ничто другое» советские публицисты написать не могли: не разрешила бы цензура. Они это знали. И потому «ничто другое» обсуждалось в тайных разговорах дома на кухне, в редакционных коридорах, в откровениях с наиболее близкими коллегами. Советские публицисты знали о жизни и человеке больше, чем написали в своих произведениях. Высшая, истинная правда о «развитом социализме» была ими не замечена во имя правды-идеи, которая революционно и жестоко игнорирует женские слезы, то есть, возможно, самоё жизнь.

#### 4.

**Экономическая тематика** была второй любовью советских публицистов. Громадный хозяйственно-экономический механизм СССР, управляемый из одного командного пункта в Москве, был практически неуправляем, постоянно давал сбои, поэтому находился в постоянной починке. Умельцы-рационализаторы в центре и на периферии предлагали различные варианты его усовершенствования.

Например, в конце семидесятых в российском городе Калуге на одном заводе решили внедрить так называемый бригадный подряд, который бы объединил рабочих единой целью и привлек их к участию в управлении производством. Заводской опыт, как положено, сперва оценили и одобрили в партийных органах – местном и высшем. И лихорадочно закрутились приводные ремни партии, как любил называть журналистов Хрущев, и кинулась писать публицистическая братия о калужском варианте, превознося его до небес.

«Калужский вариант» - так назвал свою книгу писатель Александр Левиков, видный публицист-экономист, работавший в «Литературной газете». Книга вышла, как положено, в издательстве политической литературы массовым тиражом в 75 тысяч экземпляров.

А.Левиков подметил и талантливо набросал портреты производственников, людей интересных, увлеченных, равнодушных, искренне болеющих за общее дело. Этими портретами, пожалуй, и исчерпывается публицистический материал книги, под самую завязку заполненной материалом чисто пропагандистским.

Вот образчик пропагандистского текста, который выдается за публицистику:

«Эффективность и качество – главные признаки современного производства. А коли так, то не мудро ли поступают руководители, которые во имя главной цели соединяют бригадный подряд с действенной формой участия трудящихся в управлении? Нет, совет бригадиров не указывает руководителям служб и начальникам цехов, как им выполнять их профессиональную работу. Однако он откровенно говорит этим же руководителям служб и начальникам цехов, при каких условиях могли бы лучше выполнять свою профессиональную работу слесари, фрезеровщики, зуборезчики, электрики, токари, штамповщики и прочие специалисты, объединенные в группы, ориентированные на конечный результат».

Этот отрывок текста А. Левикова переполнен абстрактной лексикой, свойственной докладам Генсеков КПСС и стилистике партийных документов. Мертвое слово адекватно мертворожденному делу. Бригадный подряд в рамках тотальной командной экономики – как мертвому припарки. Понимал ли это классный публицист, заинтересованно решивший разобраться в сути бригадного подряда?

Публицист, движимый личной любовью к экономической теме и подбодренный партией, замечает нестыковки бригадного подряда и системы, выслушивает оппонентов, намекающих на обреченность калужского варианта. Однако публицист гнет свою линию, едет в Калугу вновь и вновь, едет также в Минск, Ригу, Днепропетровск, Ленинград, чтобы и там подсмотреть условия и предпосылки для зарождения калужского варианта. Конечно же, - видит и находит горячих сторонников и убедительных противников. И пишет с оптимизмом, как того требует метод социалистического реализма и предписывает политиздат:

«Не ждем одних лишь побед на трудной стезе социального экспериментирования. Много обдумывается, проверяется тут впервые. Это – обращение к будущему, разведка боем, шаги за черту привычного. Неизбежны временные неудачи и отступления, разочарования и ошибки. Но сказано: дорогу осилит идущий!»

## 5.

Демагогический оптимизм естествен для партийных лидеров. Потерпев общественное поражение, они продолжают убеждать: мы победим! Ими управляет идея. В политике зачастую и впрямь побеждает умозрительная идея. Если она побеждает в публицистике, это означает смерть публицистики. И тогда перед нами не живой текст, выражающий мысли и чувства автора, а расхожие схемы, идеологические клише, газетные штампы, общие места.

А. Левиков, борясь за утопический калужский вариант улучшения социализма и коммунизма, гнул не свою линию, а линию коммунистической партии. Когда партия, бывало не однажды, видоизменяла свою линию, менял ее и публицист. Как тогда шутили, - колебался вместе с линией партии.

Убежденность публицистов основана на знании жизни и человека. Вооруженные этим знанием, публицисты идут до конца, как это делали Э. Золя, В. Короленко, Г. Успенский. Вооружившись партийной идеей,

публицисты подгоняют жизнь под схему, как это сделали Иван Винниченко и Юрий Черниченко, в восьмидесятых годах мобилизованные партийной идеей на пропаганду молдавского варианта по совершенствованию управления экономикой.

Суть очередного ремонта развитого социализма - распространение колхоза на весь район как административную и хозяйственную единицу. В Молдавии организовали гигантские колхозы-районы, опытейшие публицисты поверили в их жизнеспособность, быстро съездили в командировки, испекли книги для политиздата.

Очень скоро жизнь отвергла молдавский вариант. Но книги публицистов-экономистов – остались. Они доставляют авторам досаду, а нас, молодые коллеги, должны предупреждать: не лезьте в экономику, если не разбираетесь в ней, если не видите ее в контексте всей общественно-политической системы, если верите исключительно власти, в то время как необходимо верить своим глазам и ушам.

Бурный всплеск экономической (и прочей) публицистики приходится на середину восьмидесятых годов, когда М.Горбачев объявил перестройку и гласность. Публицисты, не зажатые цензурой, стали говорить вполне свободно, от себя лично, а не по указке сердца, принадлежащего партии.

На советский публицистический олимп мгновенно взобрались профессиональные экономисты, освоившие ремесло публициста: Николай Шмелев, Василий Селюнин, Лариса Пияшева, Гавриил Попов, Андрей Нуйкин. Они со знанием дела предлагали свои, обоснованные, проверенные мировой практикой, варианты совершенствования экономики, усиления трудовой и общественной мотивации человека. Читающая публика расхватывала журналы «Новый мир», «Наш современник», «Дружба народов», «Октябрь», где печатались объемные статьи публицистов-экономистов.

Это было время, когда говорили и предлагали варианты модернизации СССР все думающие люди. Так продолжалось несколько лет. Журнал «Огонек» и газета «Московские новости» говорили смелее всех, за что снискали любовь всего читающего народа. Но постепенно всех уговорил верховный говорун-публицист М.Горбачев, ставший первым и последним президентом распадающегося на отдельные, не связанные между собой узлы и детали экономического механизма СССР.

Статьи последних советских публицистов, предлагавших перспективные варианты жизнеустройства на одной шестой части земной суши, выпустило в 1988 году издательство «Художественная литература». Не политиздат! Книга называется «Если по совести». Она не содержала идеологических примесей.

Это был прощальный глас публицистики. Все – и публицисты, и их читатели – к тому времени убедились, что по совести система существовать не способна в принципе. Все наговорились-наспорились до хрипоты – и замолчали.

## 6.

**Деревенская тематика** всегда была в центре внимания советской власти, следовательно, советской публицистики. Многочисленные реформы преследовали две насущные благородные цели – поднять деревню, накормить

народ. Публицистика преследовала одну цель – нарисовать сельскую картинку, которая бы снизу иллюстрировала правильность очередной реформы сверху.

Деревенская тема была в творчестве публицистов постоянной, потому что громкие кампании по реформированию сельскохозяйственного производства следовали непрерывно, одна за другой. Они привлекали журналистов-конъюнктурщиков, исписавшихся прозаиков и драматургов, выезжавших в краткосрочные командировки и строчивших посетительскую публицистику.

Постепенно, на протяжении десятилетий, в результате естественного отбора в толпе публицистов-деревенщиков определились талантливые лидеры – Валентин Овечкин, Ефим Дорош, Георгий Радов, Юрий Черниченко, Иван Васильев, Леонид Иванов, Анатолий Иващенко, Иван Винниченко, Анатолий Стреляный, Сергей Викулов... Их тексты контрастировали с идеологизированным хламом эпигонов и графоманов, выделяясь знанием деревни, пониманием ее вековых традиций, видением ее проблем в контексте общества и государства. Лучшие произведения публицистов-деревенщиков стали классикой, мы включили их в программу нашего курса, не обращая внимания на обязательное для советской публицистики цитирование партийных документов. Цитатами смелые публицисты зачастую притупляли бдительность цензоров.

## 7.

В 1985 году издательство «Советский писатель» (Москва) выпустило очередной сборник деревенской публицистики «Соки земли». Повод – партия приняла «Продовольственную программу» (писали непременно с большой буквы). Сборник начинается прекрасными деревенскими рассказами Федора Абрамова, за ними следует около пятисот страниц кампанейщины. Собралась компания из 18 авторов и сочинила иллюстративный материал в поддержку новой партийной кампании по подъему деревни.

Выдуманная схема, по которой работали большинство авторов сборника, наиболее заметна в очерке русскоязычного публициста из Беларуси Евгения Будинаса «Можно ли на селе работать спокойно?» Автор признается, что сначала у него родился этот вопрос, а затем он искал «кандидатуру героя», которая «долго не находилась». Нашлась она в лице председателя колхоза «Рассвет» Любанского района В.Артимени, туда автор и поехал в командировку, признавшись: «Меня, например, бестолковый и расхлябанный отдых раздражает. Хотя иногда и хочется расслабиться и повалять дурака. Тогда мы едем в деревню».

На двух постулатах собственной фантазии о деревне Будинас построил всю деревенскую жизнь, подогнав под искусственную схему многотрудные заботы и поиски председателя по наведению дисциплины и порядка в колхозе. Из схемы родился вывод публициста:

«Вот он, пожалуй, основной конфликт, в который, может быть даже не вполне осознавая это, вступил наш председатель колхоза, попытавшись преодолеть, расколоть противоречие между новыми, прогрессивными, основанными на применении мощной техники, энергетики, научных достижений технологиями, предлагаемыми современной деревне, и всем ее образом жизни, ее мировоззрением, идущим от завалинки и сохи».

И еще вот что придумал Будинас:

«Артименя не признает и упрямо не хочет признавать традиционный уклад сельской жизни со всем ее мировоззрением. Он не желает под него подстраиваться, не хочет мириться с отношением к деревне, как к месту, удобному для валяния дурака. Вместо поиска обходных путей и сглаживания противоречий он прет по прямой, перестраивает основы».

Глеб Успенский в неторопливом образе жизни деревни, подчиненном сельскохозяйственным циклам, идущем от завалинки и сохи, гениально увидел естественный порядок, особую дисциплинированность и назвал это властью земли.

Василий Белов написал о крестьянском порядке книгу-эссе, которую назвал «Лад».

Знаменитый белорусский председатель Василий Старовойтов, неумоимо внедряя технические, технологические, организационно-технологические и социально-бытовые новации в деревенскую жизнь, тем не менее подстраивался под ее старые традиции, опасаясь поломать **власть земли**, чтобы не раскрестьянить крестьянина, как это постоянно делала государственная власть.

Европейские и американские фермеры, до зубов вооруженные средствами цивилизации, целиком и полностью подчинены сельскохозяйственному порядку, летом работая по двадцать часов в день и лишь зимой позволяя себе расслабиться «на завалинке» у телевизора и камина.

Только публицист-эпигон может валять в деревне дурака, вздумав навести здесь «порядок, как на предприятии». Причем Е.Будинас выполняет разрушительную миссию небесталанно, он владеет словом, слогом, образом и приемом, он логически безупречно строит железную схему очередного «подъема деревни», то есть очередного (постоянного!) опускания деревни в небытие.

Художественность публицистики – несущественна без натуральной правды жизни. Красота в публицистике определяется не красотами текста, а красотой гражданского и человеческого поступка публициста.

## 8.

Поверхностная публицистика, конструируя деревенскую жизнь по партийным проектам, принимала участие в процессе ее изнасилования, свертывания. На этом печальном фоне особо ценен профессиональный и гражданский подвиг тех публицистов, которые боролись за истинную деревню. Среди таких подвижников – Иван Васильев. В 1987 году в московском издательстве «Молодая гвардия» вышла его книга «С думой о будущем», где автор, оттолкнувшись от реалий деревни, выходит на широкие обобщения:

«Моя боль – земля. Брошенная, неухоженная, загаженная. Земля-падчерица, земля-сирота. Ненужная сытому, красиво одетому господину своему – человеку. Небрежный тракторист не допахал клин, самодовольный автовладелец без зазрения совести катит через хлебную ниву, дорожнику лень убрать гнилые столбы, энергетики кромсают лес, не отстают связисты, газавики, строители... Если бы хоть один услышал, как стонет земля под



мощью его прогрессивной поступи! Не слышит! Глух абсолютно! И потому глух, что полоса отчуждения легла через душу его».

И.Васильев пишет о деревенской публицистике:

«Вторых «Районных будней» (очерки В.Овечкина – **А.К.**) не будет. И потому не будет, что они уже написаны публицистами 70-80—х годов. Не один автор, а много авторов, действующих как один, с поразительной слитностью многих болей в одну боль, многих совестей в одну совесть писали портрет новой «борзовщины». И написали лик мертвящего бюрократизма, нарисовали благодушную, довольную сытостью и покоем, обособившуюся в касту «неподотчетных» управленческую пирамиду, которая миллионнотонной тяжестью циркуляров и уложений раздавила, расплющила до лепестковой тонкости пышный букет народной инициативы... И теперь, когда правота публицистов подтверждена партийным курсом на исправление, каких еще «Районных будней» нам ждать?»

Вы, конечно же, заметили: умный, проницательный, он, Иван Васильев, все-таки не свободен от советской традиции, он соглашается, что партия умнее и проницательнее. В упомянутой книге в адрес партии сделано множество благодарственных пассажей, но это не окончательно портит текст. Книгу стоит прочесть, опуская обязательные в то время авторские книксены перед «руководящей и направляющей» силой, присудившей публицисту И.Васильеву высшую награду – Ленинскую премию. После этого он не мог даже намекнуть, что публицист умнее, хотя его произведения сие подтверждают.

Партия потому и раздавала награды талантливым писателям и публицистам, чтобы они сами устанавливали пределы своему проницательному уму и не распространяли его на партию. Вот почему среди советских публицистов нет диссидентов. Вот почему практически вся советская публицистика недоразвита, неполноценна.

## 9.

Мы назвали три основные темы (направления) советской публицистики 70-80-х годов. Все остальные темы дополняли, развивали, локализовали названные. Важнейшей из таковых являлась **геронко-патриотическая тематика**. На этом направлении создавалась масса документальных очерков о передовиках производства, героях трудовых будней, покорителях целины, строителях сибирских гидроэлектростанций, БАМа...

В основном это локальные истории и сюжеты, не выходящие за рамки региона, профессии, героического поступка. Чтобы придать подобным очеркам пропагандистский эффект, нагнетались высокопарность, неестественные для людей фразы, широко цитировались отрывки из партийных документов.

Портретные очерки мастеров публицистики сохранили дух времени, реальные черты людей. Творческие удачи сопутствовали тем авторам, которые показывали своих героев в действии, в развитии, в конфликтных ситуациях по решению производственных либо нравственных проблем. Можно с интересом читать и сегодня художественно-документальные очерки Василия Пескова, Аркадия Сахнина, Ивана Винниченко. Строя сюжет на

документальном материале, они умели создать интригу, завлечь читателя лирическими отступлениями.

Очеркисты Геннадий Бочаров и Валерий Аграновский любили показывать человека в экстремальных условиях – на льдине, в бушующем океане, на тушении пожара. Здесь сюжеты были выразительны и поучительны сами по себе, не требуя от публицистов идеологической подкладки, педалирования на «советский патриотизм».

Вся страна прочитала в «Литературной газете» очерк Г.Бочарова о том, как в Ереване мужественный человек спас из упавшего в водохранилище троллейбуса два десятка пассажиров. В этом материале художественны прежде всего точные подробности происшествия, детали. Нырря и нырря в мутную воду за людьми, герой один раз вытащил на поверхность спинку от троллейбусного сиденья и заплакал от досады. Разбивая под водой стекла в троллейбусе, герой изрезал все руки, но кровь заметил, когда его самого, изможденного, еле живого, вытащили из воды прибывшие спасатели.

Художественность очерка заключается в том, что в нем читателя поражает красота человеческого поступка. Героя публикации и автора публикации, Г.Бочарова, разыскавшего своего героя через ... десять лет после происшествия и своим очерком заставившего власти наградить того орденом. Автору стоило все это немалых усилий.

## 10.

**Правовая тематика** разрабатывалась публицистами главным образом в жанре судебного очерка. На этом направлении не было равных у авторов «Литературной газеты»: Аркадия Ваксберга, Александра Борина, Юрия Щекочихина... Их материалы выделялись высоким литературным уровнем.

В основе очеркового сюжета лежали реальные истории, заимствованные авторами из судебных архивов, из писем читателей. Как правило, уголовные истории были неординарные по фабуле, по степени жестокости совершенных и уже осужденных преступлений. Осужденных, по мнению публицистов, необъективно, с нарушениями правовых, морально-нравственных, процессуальных норм. Доказать это и брались публицисты, превращаясь в следователей, прокуроров, адвокатов и ни на минуту не забывая, что они создают литературный продукт, который должен быть читабельным, остросюжетным, интригующим, содержащим подтекст, эзопов язык, моралите.

Расследовательская публицистика «Литературной газеты» была отдушиной советского тоталитаризма. На уголовной фабуле публицистам удавалось выходить на обобщения, из которых явствовало, что в государстве нарушаются права человека, существует коррупция. Ю.Щекочихин первым в подцензурной прессе сумел сказать о том, что в СССР есть организованная преступность.

## 11.

**Экологическая тематика** относилась к разряду новых тем советской прессы, еще не осознанных публицистами, редакторами, читателями. Эту тематику осваивали энтузиасты, к ним, безусловно, относятся популяризаторы

экологии Василий Песков, Игорь Адабашев и борцы за экологию Владимир Волков, Сергей Зальгин.

Экологическая публицистика Пескова и Адабашева несла просветительскую цель, вводила в курс экологии, давала первоначальные знания. Лирик-репортер В.Песков работал в жанре краткой газетной зарисовки о природе, о зверях и птицах, о лесниках и егерях. Писатель-исследователь И.Адабашев в очерках и книгах искал компромисс между природой, человеком и машиной, его тексты насыщены фактами, статистикой, носят академический характер.

Писатели В.Волков и С.Зальгин от просветительства перешли к активным действиям: Волков защищал заповедники от потребительского разорения, Зальгин боролся против поворота российских северных рек на юг. Их публицистика остросюжетна, полемична, конфликтна. Обоим крепко доставалось от оппонентов. Приходилось выступать еще и еще. Оба – не отступили, и потому их можно считать победителями. Относительными.

В.Волков добился принятия правительственных постановлений о более глубокой заповеданности конкретных территорий. Постановление же далеко не означает дело.

С.Зальгин дождался постановления Политбюро ЦК КПСС, в котором говорилось: «Рассмотрев вопросы осуществления проектных и других работ, связанных с переброской части стока северных и сибирских рек в южные районы страны, Политбюро в связи с необходимостью дополнительного изучения экологических и экономических аспектов этой проблемы, за что выступают и широкие круги общественности, признало целесообразным прекратить указанные работы».

В последующих статьях на тему «поворота» С.Зальгин восславил мудрость партии. Смелость и мужество публициста-борца растворились в самоуничтожении перед тоталитарной властью. В 1987 году, на втором году перестройки, на пике гласности, надежды и свободы, традиционно прогибаться под партией не было необходимости, но публицист - прогнулся по привычке.

Самоуничтожение – это и есть сущность советской публицистики, что не позволяет ей предстать перед нами внушительной самодостаточной глыбой, способной на самостоятельное действие. Ей присуща лишь инерция. Пусть эта глыба катится дальше и дальше в историю как атрибут эпохи, породившей ее.

## Приложение к лекции 6.

### РОМАН С ПОЛИТИЗДАТОМ

(из личного архива публициста Анатолия Козловича)

В 1988 году мне в Минск позвонил из Москвы ответственный сотрудник издательства политической литературы и упросил написать для них «смелую», как он сказал, книгу о перестройке, примерно такой тональности, как мои очерки в «Литературной газете», которые позвонивший похвалил. За книгу был обещан гонорар, на порядок превышающий гонорар в прочих издательствах.

Я согласился на сотрудничество с политиздатом, полагая, что гласность, объявленная Горбачевым, окажется сильнее цензуры и позволит мне сказать то, что думаю. Думал я в то время о выходе из КПСС.

Условились, что будущая книга будет представлять собой кампиляцию из моих очерков, опубликованных в союзной и республиканской прессе. В аннотации, направленной в издательство, я написал, что «в будущей книге предполагаю разработать тему раскрепощения личности человека, раскрытия его творческого потенциала, что, на мой взгляд, является гарантией реальной перестройки. Если коммунистическая партия действует от имени народа, она обязательно услышит человека».

Издательство мою заявку одобрило. Со мной был заключен договор. Через полгода я представил в издательство рукопись книги. Через положенное время получаю ответ:

Ваша рукопись «Человек услышанный» получена и в принципиальном плане рассмотрена, причем не только в редакции, но и на уровне руководства издательства. Какое мнение сложилось у нас о работе в целом?

Оно неоднозначно. Что касается литературной стороны дела (формы, языка, композиционного построения и др.), то мы считаем, что сделано все это у вас на профессионально высоком журналистском уровне. Тут мы отдаем вам должное.

Что касается содержательной стороны дела, то здесь у нас и сомнение, и активное неприятие.

Главное. Существенных претензий к основному блоку рукописи «Человек услышанный» (сс.83-223) – нет, тут редактирование может быть сведено не более как к контрольному чтению. Когда речь идет об активном неприятии материала, то это касается в первую очередь очерков «Взлететь бы!» и «Кузнечик перестройки».

Мы исходим из понимания того, что существует разница между критикой в периодической печати и в литературе, в книгах: в первом случае у подвергшихся публичному осуждению есть право и возможность ответить (объяснить, обосновать, указать на незамеченное, не принятое во внимание, словом, оправдаться или сделать попытку к этому); во втором случае такой возможности нет (в книжных очерках я широко цитировал своих оппонентов, давал их ответы на критику – **А.К.**). Это – основная причина, по которой рукопись в том виде, в каком она есть сейчас, принять к публикации не можем.

Мы предлагаем вам уйти от конкретной географической и персональной привязки материала к жизни и превратить таким образом строго

документальный очерк в художественно-документальное повествование. Это, помимо всего прочего, позволит, как нам кажется, выйти на более глубокое обобщение жизненного материала, а значит, книга получится не «местная» (региональная), а со значительно расширяющимся общественным резонансом.

Рукопись возвращаем.

О своем отношении к данному предложению сообщите в редакцию в возможно короткий срок».

Я послал в издательство письмо:

«В ответ на ваши предложения уйти «от конкретной географической и персональной привязки материала к жизни сообщаю следующее:

1. Я готов заменить фамилии и адрес (Иванова сделать Петровым), но при этом менять композицию, структуру, тональность, уровень критики не нахожу возможным.

2. Если редакция не примет этот чисто технический вариант доработки рукописи, я вынужден буду расторгнуть договор.

О решении редакции прошу сообщить».

Из издательства 11 июня 1990 года мне ответили так:

«Уважаемый Анатолий Николаевич!

Принято решение расторгнуть договор от 5 декабря 1988 года, заключенный с вами на выпуск книги «Человек услышанный». К сожалению, это вынужденный шаг, поскольку мы не можем ни издать рукопись в ее нынешнем виде, ни убедить вас в необходимости ее серьезной доработки. Неприемлема авторская трактовка ряда принципиальных положений с позиций оппонента КПСС.

Выход, мы считаем, был предложен вам вполне приемлемый и для издательства, и, как казалось нам, для вас:

1. Уйти от конкретной адресной (географической и персональной) привязки материала. В этом плане примером могли бы, скажем, служить книги Валентина Овечкина, Ефима Дороша, Ивана Васильева и других писателей-публицистов.

2. В отмеченные места двух названных очерков внести необходимые коррективы идейно-политического характера.

Нам кажется, что это был необходимый минимум, и вы отвергли его, тем самым вынудив издательство расторгнуть с вами договор.

Сообщая об этом, мы не исключаем возможности дальнейшего сотрудничества с вами, но, естественно, при соблюдении необходимых требований, предъявляемых к политической литературе, освещающей проблемы перестройки в нашем обществе».

На это письмо я не ответил. Ибо убедился, что политиздат в связи с перестройкой не перестроился. Я хотел писать публицистику, а не политическую литературу.